

Агнец на заклание

1953 / Роальд Даль

Жена убивает мужа замороженной бараньей ногой, после чего скармливает орудие преступления копам. Вполне удобоваримое сочинение Даля, хотя у Ламбиазе возник вопрос, какой получится баранина, если домохозяйка будет готовить ее по методу главной героини, то есть без размораживания, приправ и маринадов. Не достанет ли она в итоге из духовки жесткое, неравномерно пропеченное мясо? Я не кулинар (и не преступник), но если этот момент не выдерживает критики, весь рассказ рухнет. Тем не менее «Агнец» проходит отбор, потому что одной моей знакомой когда-то нравился «Джеймс и гигантский персик».*

Э. Дж. Ф.

* «Джеймс и гигантский персик» — детская книга Роальда Даля о мальчике, оказавшемся внутри гигантского персика и познакомившего там с местными насекомыми. *Здесь и далее прим. ред.*

На пароме, следующем из порта Хайаннис* на остров Элис, Амелия Ломан красит ногти в желтый цвет и, пока лак высыхает, просматривает записи своего предшественника. «Книжный магазин “Остров”»: ежегодные продажи составляют около 350 тысяч долларов, причем бóльшая часть приходится на летние месяцы, когда на Элис приезжают отдыхающие, — сообщает Харви Родес. — Пятьдесят пять квадратных метров торговой площади. Единственный штатный сотрудник — владелец. Крохотный отдел детской литературы. Минимальное присутствие в интернете. Работа с читателями почти не ведется. Каталог, в котором явно преобладает интеллектуальная литература, что не может нас не радовать. Однако Фикри слишком разборчив, и, если рядом нет Ник, его трудно уговорить на что-то новое. К счастью для Фикри, конкурентов у “Острова” нет». Амелия зевает (у нее легкое похмелье), раздумывая, стоит ли один привередливый магазинчик такой долгой дороги. К тому времени, как на ногтях схватывается желтая краска, неисправимый оптимист в Амелии берет верх: «Разумеется, стоит!» Ведь привередливые магазинчики и та особая порода людей, которые ими заведуют, — ее конек. И вообще, она специалист широкого профиля, умеющий подбирать вино к ужину

*Хайаннис — деревня в штате Массачусетс, США.

(не бросая потом друзей, выпивших лишнего), и знающий толк в домашних растениях, бездомных животных и других обреченных.

Когда Амелия сходит с парома, у нее звонит мобильный. Она не узнаёт номер — никто из ее друзей уже не пользуется телефоном для звонков. Впрочем, она даже рада неизвестности. Она ведь не из тех, кто думает, что хорошие новости сообщают исключительно абоненты, которых ты знаешь, и только тогда, когда ты ждешь их звонка. В трубке раздается голос Бойда Флэнегана, неудачного знакомства по интернету номер три. Полгода назад Бойд водил ее в цирк.

— Я отправлял тебе сообщение пару недель назад, — говорит он. — Ты его получила?

Амелия объясняет, что недавно поменяла работу и все ее учетные записи полетели.

— Да и сама идея знакомиться по интернету перестала меня привлекать. Возможно, это не мое.

Последнюю фразу Бойд как будто пропускает мимо ушей.

— Не хочешь еще раз увидеться? — спрашивает он.

Для справки: на первом свидании новизна цирковых огней некоторое время отвлекала Амелию от факта, что между ней и Бойдом нет ничего общего. Но под конец ужина правда об их несовместимости была очевидна. Вероятно, пелена должна была спастись с глаз, когда они не сумели договориться об аперитиве, или когда в разгар вечера Бойд признался, что не любит «старье» — антиквариат, старые дома, старых собак и людей. Однако Амелия не спешила с выводами и поставила на Бойде крест только за десертом, когда на вопрос о книге, больше всего повлиявшей на его жизнь, он ответил: «Основы бухгалтерского учета. Часть вторая».

Амелия вежливо отказывается. Она больше не хочет встречаться.

Она слышит в трубке дыхание Бойда, частое и прерывистое. Она боится, как бы он не расплакался.

— Тебе плохо? — спрашивает она.

— Не надо меня опекать.

Амелия понимает, что пора вешать трубку, но не делает этого. Ее разбирает любопытство. Какой толк в неудачных свиданиях, если о них нечего рассказать друзьям?

— Прошу прощения?

— Ты же видишь, я не сразу тебе позвонил, Амелия, — говорит он. — Я молчал, потому что встретил кое-кого получше. Но у нас не сложилось, и я решил дать второй шанс тебе. Так что не задирай нос. Улыбка у тебя приятная, это да, но зубы слишком большие, задница толстовата, и, хотя пьешь ты как двадцатипятилетняя, сей чудесный возраст для тебя уже миновал. Зря ты харчами перебираешь. — На другом конце всхлипывают. — Прости. Правда, извини.

— Все нормально, Бойд.

— Что со мной не так? В цирке ведь было весело, верно? И я не так уж плох.

— Ты отличный парень. И в цирке было очень интересно.

— Но ты по какой-то причине меня невзлюбила. Давай начистоту.

К этому моменту причин не любить Бойда накапливается предостаточно. Амелия выбирает одну:

— Помнишь, я сказала, что занимаюсь книгами, а ты ответил, что не любишь читать?

— Ты сноб, — заключает он.

— Кое в чем, пожалуй, да. Слушай, Бойд, я на работе. Мне пора.

Амелия вешает трубку. Она не мнит себя красавицей, и ее совершенно не интересует мнение Бойда Флэнегана, с которым они все равно толком не разговаривали. Просто она его последнее разочарование. С ней тоже такое бывало.

Ей тридцать один, и ее пугает, что она до сих пор никого не встретила.

И все же...

Оптимист в Амелии верит, что лучше быть одной, чем с кем-то, кто не разделяет твоих интересов и чувств. Правда же?

Мама Амелии любит повторять, что романы отбили ей вкус к настоящим мужчинам. Это замечание обижает Амелию, ибо оно подразумевает, что она читает исключительно книги с классическими героями-любовниками. Время от времени она не против полистать такой роман, но в целом у нее гораздо более изощренные вкусы. Обожая Гумберта Гумберта как персонажа, она прекрасно осознаёт, что в реальной жизни ей не нужен такой партнер, парень или даже просто знакомый. То же самое касается Холдена Колфилда, мистера Рочестера и мистера Дарси.

Вывеска над крыльцом лилового викторианского домика выпцвела, и Амелия едва не проходит мимо.

ОСТРОВ

Эксклюзивный поставщик произведений
изящной словесности на о. Элис с 1999 года

*Человек не остров;
книга — целый мир*

На кассе сидит школьница, листаящая новый сборник рассказов Элис Манро.

— Нравится? — спрашивает Амелия. Она обожает Манро, но читать книги, которых нет в списке, успевает разве что в отпуске.

— По литературе задали, — отвечает девочка, как будто этим все сказано.

Амелия представляется торговым агентом «Найтли пресс», и школьница, не отрывая глаз от страницы, показывает куда-то за спину.

— Эй Джей у себя.

По обе стороны коридора опасно нависают стопки сигнальных экземпляров и гранок, и на Амелию накатывает знакомая волна уныния. Из туго набитой сумки, от которой ноет плечо, в бумажные горы Эй Джея перекачивает несколько распечаток и список изданий, которые ей положено расхваливать. Она никогда не лжет о книгах из своего каталога. Она никогда не говорит, что в восторге от книги, если та ей не нравится. Как правило, она умеет сказать что-нибудь хорошее о любой книге, а нет, так о ее обложке, авторе или сайте автора. «Потому-то я и гребу деньги лопатой», — шутит Амелия. Она получает тридцать семь тысяч долларов в год и теоретически может заработать премию. Впрочем, у них в издательстве премий уже давно никому не перепало.

Дверь в кабинет Эй Джея Фикри закрыта. Амелии остается до нее несколько шагов, но тут рукав ее свитера цепляется за одну из стопок, и сотня книг, если не больше, с ужасающим грохотом обрушивается на пол. Дверь открывается, и Эй Джей Фикри, осмотрев место крушения, переводит взгляд на великаншу, которая лихорадочно пытается вернуть книги на место.

— Что за черт? Вы кто?

— Амелия Ломан.

Она добавляет в стопку десяток томов, но половина из них снова падает.

— Оставьте, — командует Эй Джей. — Их надо складывать по порядку. Так что помощи от вас никакой. Уходите.

Амелия поднимается. Она выше Эй Джея сантиметров на десять, не меньше.

— Но у нас же встреча.

— Нет у нас никакой встречи, — возражает Эй Джей.

— Нет, есть, — настаивает Амелия. — Я писала вам на прошлой неделе по поводу зимнего каталога. Вы ответили, что я могу приехать в четверг или пятницу после обеда. Я сказала, что буду в четверг.

Обмен электронными письмами был коротким, но уж никак не выдуманным.

— Вы агент?

Амелия с облегчением кивает.

— Напомните, какого издательства?

— «Найтли».

— В «Найтли пресс» работает Харви Родес, — говорит Эй Джей. — Когда вы писали мне на прошлой неделе, я думал, что вы помощница Харви или что-то вроде того.

— Я его замена.

Эй Джей тяжело вздыхает.

— В какую компанию перешел Харви?

Харви умер, и у Амелии мелькает идея цинично пошутить, назвав загробную жизнь компанией, а Харви ее новым сотрудником.

— Он умер, — просто говорит она. — Я думала, вы знаете.

Большинство партнеров уже знали. Харви был легендой, насколько торговый агент может быть легендой.

— В бюллетене Ассоциации книготорговцев Америки был некролог и еще, кажется, в «Паблишерз уикли»*, — извиняющимся тоном добавляет она.

— Я мало слежу за книжными новостями, — говорит Эй Джей. Он снимает очки в толстой черной оправе и долго их протирает.

— Мне очень жаль, если для вас это удар.

Амелия кладет руку на плечо Эй Джею, но тот отмахивается.

— Какое мне дело? Мы были едва знакомы. Виделись три раза в год. На дружбу не тянет. И при каждой встрече он пытался продать мне что-нибудь. Разве это дружба?

Амелия видит, что сейчас не самый удачный момент рекламировать Эй Джею зимний каталог. Нужно предложить ему встретиться в другой раз. Но ей вспоминаются два часа на машине до Хайанниса, восемьдесят минут по морю до Элиса и расписание паромов, которые с наступлением ноября ходят все реже.

— Раз уж я здесь, — говорит Амелия, — давайте посмотрим зимний каталог «Найтли».

У Эй Джея не кабинет, а чулан. Ни окон, ни картин на стенах, ни семейных фотографий на столе, ни безделушек — никакой отдушины. Пространство занято книгами на дорогих металлических стеллажах, из-за которых комната напоминает гараж, картотечным шкафом и древним, выпущенным чуть ли не в двадцатом веке компьютером. Эй Джей не предлагает гостю напитков, и хотя у Амелии пересохло в горле, сама она не просит. Она убирает со стула книги и садится.

* Publishers Weekly — американский еженедельный журнал о книжном бизнесе и книготорговле.

Амелия открывает зимний каталог, самый короткий и самый непритязательный в году. Кроме пары-тройки громких (или хотя бы перспективных) дебютов, он обычно заполнен книгами, на коммерческий успех которых издатель возлагает меньше всего надежд. Тем не менее любимчиками Амелии часто становятся именно «зимние». Они не избалованы судьбой, успех если и приходит к ним, то не сразу, но в конце долгого, тернистого пути. (Не будет большим преувеличением сказать, что такой же «зимней» Амелия видит себя.) Напоследок Амелия приберегает самое интересное — мемуары восьмидесятилетнего старика, всю жизнь проходившего холостяком и встретившего свою половинку только в семьдесят девять. Через два года после свадьбы его жена умерла от рака. Ей было восемьдесят три. Если верить биографической справке, автор работал научным журналистом в различных газетах Среднего Запада; стиль у него ясный, остроумный и совсем не заунывный. По дороге из Нью-Йорка в Провиденс Амелия рыдала прямо в поезде. Амелия знает, что «Увядший цвет» — маленькая книга, и аннотация у нее, прямо скажем, шаблонная, но она уверена, что читатели полюбят ее, если только дадут ей шанс. Вообще, Амелия уже не раз подмечала, что многие проблемы решаются, когда не боишься дать шанс чему-то новому.

Увлеченно рассказывая об «Увядшем цвете», Амелия вдруг замечает, что Эй Джей уронил голову на стол.

— Что-то не так? — спрашивает Амелия.

— Это не для меня, — говорит Эй Джей.

— Да вы только откройте первую главу! — Она пытается сунуть гранки в руки Эй Джею. — Тема может показаться донельзя избитой, но автор так ее...

— Это не для меня, — обрывает ее Эй Джей.

— Ладно. Расскажу вам о чем-нибудь другом.

Эй Джей делает глубокий вдох.

— Я против вас ничего не имею, но ваш предшественник... Понимаете, Харви знал мои вкусы. Они у нас были одинаковыми.

Амелия кладет гранки на стол.

— Я бы тоже могла изучить ваши вкусы, — говорит она, чувствуя себя героиней порнофильма.

Эй Джей бормочет что-то себе под нос. Амелии слышится нечто вроде: «А толку?» — но она не уверена.

Амелия закрывает каталог.

— Просто скажите, что вам нравится, мистер Фикри.

— *Нравится*, — недовольно повторяет он. — Давайте-ка я лучше скажу, что мне *не нравится*. Мне не нравится постмодернизм, постапокалипсис, магический реализм и когда повествование ведется от лица умершего. Меня вряд ли впечатлят фокусы оформителей, многошрифтовая печать и растыканные где ни попадя картинки — не люблю все эти рекламные штучки. Художественную литературу о Холокосте и других мировых трагедиях я считаю безвкусицей — на эту тему ничего, кроме документальных книг, просьба не предлагать. Мне претят жанровые попури а-ля интеллектуальная детективная мелодрама или интеллектуальное фэнтези. У каждого жанра свои законы, и скрещивания между ними почти никогда не бывают удачными. Я не люблю детские книги, особенно про сирот, и предпочитаю не засорять полки подростковым чтивом. Мне не нравится все, что больше четырехсот и меньше ста пятидесяти страниц. Терпеть не могу романы, которые пишут от имени звезд реалити-шоу; напичканные фотографиями книги о знаменитостях; спортивные мемуары; издания, приуроченные к экранизациям;

книжки-игрушки и, само собой, вампирские истории. На моих полках редко встречаются дебюты, чиклит*, стихи и переводы. Никогда бы не имел дела с сериями, но, увы, они пользуются спросом. Так что не рекламируйте мне «большие новые серии», пока они надежно не утвердятся в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс». И главное, госпожа Ломан, я нахожу тоненькие мемуарчики стариков, чьи престарелые жены умирают от рака, абсолютно неприемлемыми. Как бы ни расхваливали их слог торговые агенты. И каких бы продаж вы мне ни обещали ко Дню матери.

Амелия густо краснеет, хотя она скорее рассержена, чем смущена. Кое в чем она согласна с Эй Джем, но тот ведет себя неоправданно грубо. Половину из перечисленного «Найтли пресс» вообще не издает. Амелия обводит Эй Джея внимательным взглядом. Он старше нее, но не на много, максимум лет на десять. В этом возрасте еще не может нравиться так мало.

— А что вам по душе? — спрашивает она.

— Все остальное, — отвечает он. — Порой мне бывает трудно устоять перед сборником коротких рассказов. Но покупатели их все равно не берут.

В списке Амелии всего один сборник, дебютный. Она не прочла его целиком, и, судя по плотности графика, вряд ли прочтет, но первый рассказ пришелся ей по душе. Два шестых класса, один из Америки, другой из Индии, участвуют в международной программе «Друзья по переписке». Рассказчик — индийский школьник, который учится в Америке и регулярно подбрасывает американцам смешную дезинформацию

* Дословно: «литература для цыпочек». Разновидность женской прозы с романтическим сюжетом и легким юмором.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

